

Валентин РАСПУТИН

(ИРКУТСК) *Лит. газета 1986. 2 июл. 88*

должна существовать техника, заставляющая человека оцепеневать и умолкать, как только он преступит закон этой трибуны. Раз в пять лет собираемся мы на свой съезд — раз в пять лет! — и тратить время на мелкие обиды, на сведение личных счетов и групповые интересы не только недостойно нас, но и преступно.

С. 9,

И уж совсем младенцем я оказался в национальном вопросе. Я касаюсь деликатной и, похоже, запретной для русского человека темы, но не могу не сказать об этом. Мне казалось, что все мы, представители разных народов и национальностей, живем все вместе в одном, хоть и просторном, но общем доме. Кто-то из выступавших сказал здесь: в коммунальной квартире — и это так и есть.

Никогда раньше я не чувствовал себя таким провинциалом, как в этот раз. И не потому, что я живу далеко от столицы — нет, в Москве я бываю часто, ездил даже в Америку, сижу, как видите, в президиуме. Дело не в географическом провинциализме, который, говорят, нынче исчезает или уже исчез. И, надеюсь, дело не в духовном провинциализме. Дело в чем-то другом, что не так просто обозначить, в чем часть этого зала безнадежно отстала, а другая часть преуспела. Дело, очевидно, в простоте неискушенного в межгрупповых битвах ума, в пошехонском понимании того, зачем и во имя чего мы здесь собрались.

Все хорошее и плохое у нас на виду, ничего не скрыть, и любая болезнь, любой недостаток не есть его личное дело и личное достояние, от него страдают все.

Мне казалось, что по долгу и совести своей литература несет ответственность за все, что происходит с народом. Русская литература с болью и не сегодня только на весь свет сказала о пьянстве русского мужика и как следствии — утере им гражданской активности. Вспомним «Чем живем-кормимся» Федора Абрамова и его роман «Дом». Вспомним «Печальный детектив» Виктора Астафьева — столь откровенной, кровью собственного сердца написанной книги у нас еще не бывало. Мы писали об этом сами, но не считали это только нашим собственным делом, в которое другим вмешиваться не позволяется, не оскорблялись, не считали за издевательство, когда о том же самом писали на Украине или в Молдавии. Именно потому, что живем в одном доме

По простоте душевной мне представлялось, что в этом зале, главном зале страны, нужно говорить о самом главном, о самом важном и необходимом, что человеку, которому нечего сказать, выходить к трибуне не следует и что где-то здесь

одной семьей и от недостатков любого из нас страдаем сообща. Не было никакого оскорбления в адрес грузинского народа, уважаемые грузинские товарищи, в рассказе Астафьева, вчитайтесь в него и сумеете отличить боль от издевательства и правду от лжи. Русский народ тоже не весь спился, он продолжал работать и работает, но мы с вами вместе били законную тревогу, когда пьянство стало принимать характер увеличивающейся болезни, били тревогу во имя того, чтобы остановить ее. Чтобы лечить болезнь, ее следует назвать.

ступно и скажется на земле и культуре Севера и центра России трагическим образом. Сначала на земле России, потом и на земле Чингиза Айтматова, Олжаса Сулейменова, Гранта Матевосяна и так далее.

В последнее время, вы знаете, появилось много публикаций и по Байкалу, показывающих трагедию этого уникального озера. В результате их еще в феврале создана Государственная комиссия по Байкалу, призванная рекомендовать меры по его спасению. В эту комиссию вместе с министрами и учеными от общественности введен был и я. От нас собрали предложения, но сама комиссия за четыре с половиной месяца так ни разу и не собралась. Недавно я получил из Госплана проект нового положения или закона по Байкалу. Вместо решительных и необходимых мер, которые позднее уже не помогут, в проекте все то же: усилить, потребовать, принять во внимание и т. д. Самое страшное для Байкала — целлюлозные комбинаты, приносящие к тому же вред и экономике нашей, — предполагается не трогать.

Но я поднялся на эту трибуну не для того, чтобы только признаться в своем провинциализме. Я тоже вынужден извиниться, что буду говорить о том, о чем уже говорил не однажды, о чем уже здесь говорилось, — о судьбе нашей родной земли. Гласность — дело замечательное, как мы имели за последние полтора года возможность убедиться, но когда гласность существует только во имя гласности, а не во имя результатов и перемен, этого, разумеется, мало.

Сколько мы говорим о проблеме поворота рек, сколько пишем, сколько надорвали сердца, не написали поэм, романов и повестей, отдавая силы и время защите родной земли, — и никакого толку: нас слушают и делают по-своему!

Главная мера, которая предлагается проектом, — опять изменить ПДК (предел допустимой концентрации) при очистке стоков. Должен сказать, что за 20 лет работы Байкальского комбината эти нормы изменялись шесть раз. Шесть раз! Это способно произвести впечатление на кого угодно. Произвело и на меня, когда я был у министра лесной и бумажной промышленности, в чем ведении находится комбинат. Изменения норм очистки выдавались за их ужесточение. Цифры ПДК только недавно с огромным трудом мне удалось посмотреть. И выяснилось, что никакого ужесточения норм не было, что, напротив, по основным загрязнителям они ослаблялись, и только поэтому число нарушений уменьшалось. Очередная перекройка норм будет очередной незаконным продолжающимся отравлением Байкала.

Вот выписка из официального ответа первого заместителя председателя Госплана СССР тов. Паскаря на имя академика Яншина — письмо отправлено совсем недавно, 10 июня: Цитирую: «В результате работы, проведенной многими научно-исследовательскими институтами АН СССР, Минводхоза СССР и других министерств и ведомств, подтверждена необходимость первого этапа переброски части стока северных рек в бассейн Волги в объеме 5,8 куб. километра».

Ясно, что первый этап — 5,8 куб. километра. — это только тактический ход, что дело им не закончится. Специалисты говорят, что через двадцать приблизительно лет никакими приборами уже будет не отыскать эту воду — пошла ли она в Волгу или же растеклась по болотам и низинам Вологодской и Костромской областей. Огромные деньги будут истрачены, вред земле нанесен, а спросить за это, как водится у нас, будет не с кого.

Мы, группа русских писателей, к которым, надеемся, присоединятся писатели других республик, обращаемся к Политбюро, лично к Михаилу Сергеевичу Горбачеву с просьбой поручить еще раз разобрататься в сложившейся ситуации с северными реками и Байкалом и принять решение в пользу нашего народа, а не заинтересованных ведомств.

Но если переброска первого этапа бессмысленна, то осуществление первой очереди — 19 кубокилометров, — а тем более второй — 40—50 кубокилометров, к чему и рвутся «поворотчики», пре-

249